

“на -ованный, -ёванный, -еванный” и “не на -ованный (-ёванный, -еванный)”.

При общей традиционности самих рассматриваемых написаний обращают на себя внимание два никак не оговариваемых и не объясняемых частных новшества – написание *считанные минуты / часы* и под. и *читанный – перечитанный* с одним *н*.

Перечень проявлений неточности или нецелесообразности в логике рассмотрения орфографических закономерностей и тенденций в изданиях, рассчитанных на массового пользователя, можно было бы продолжать. Но представляется, что и приведённых примеров достаточно для вывода: лингвистическое обеспечение орфографической культуры остаётся очевидно недостаточным.

Е.Н. Басовская

ОШИБКИ-СТАРОЖИЛЫ: “БОРЬБА ЗА ЧИСТОТУ ЯЗЫКА” В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Российский государственный гуманитарный университет

Кто станет спорить с тем, что “чистота языка” – это прекрасно? Существительное “чистота” вообще окружено позитивными коннотациями. “Русский семантический словарь” фиксирует в ряду ближайших ассоциаций со словом “чистота” мейоративные прилагательные “аккуратный”, “подтянутый”, “пунктуальный”, “тщательный” [10: 546].

Естественно, “чистота” постоянно упоминается в лингвистических пособиях и справочниках в качестве обязательного качества хорошей речи [12: 51; 4: 217; 7: 751; 13: 366]. При этом под речевой “чистотой” подразумеваются весьма различные свойства текста – отсутствие нелитературных элементов, канцеляризм, лишних слов и так далее.

Несмотря на некоторую размытость понятия, общественному мнению свойственно осознавать “борьбу за чистоту языка” в качестве актуальной социокультурной задачи. Отражением и в то же время катализатором подобных умонастроений становится пресса, публикующая рассуждения специалистов и письма читателей, посвященные необходимости очищения языка от тех или иных “сорняков”, то есть чуждых и вредных явлений.

В данной статье анализируется “борьба за чистоту языка”, которую вела “Литературная газета” на протяжении первых тридцати лет своего существования (с 1929 по 1959 год).

Изучение публикаций “Литературной газеты”, касающихся культуры языка и речи, показало прежде всего значительное преобладание выступле-

ний общетеоретического, декларативного характера и относительно небольшое число материалов, посвященных критике конкретных языковых явлений.

Уже в четвертом номере нового издания Г.О. Винокур поставил задачу создания грамотного, чистого газетного языка и подчеркнул, что журналистам необходимы “хороший вкус и развитое чувство лингвистической дисциплины” [1: 1929. – №4. – С. 2]. В дальнейшем редакция многократно возвращалась к вопросам качества художественной, публицистической и разговорной речи.

В советский период особо подчеркивалось, что русский язык периода социализма должен быть на уровне великих исторических задач, стоящих перед страной победившей революции. Так, в редакционной статье “За культуру языка”, подводившей итог газетной дискуссии, говорилось: “Само собой разумеется, что культура социализма знаменует необходимость подъема языка на высшую ступень его развития... Борьба за культуру языка есть одновременно и борьба за язык социалистической культуры и шире – борьба за культуру социализма в целом” [1: 1934. – №34. – С. 1].

Однако интерес представляет не только дополнительное: философское, историческое, политическое – содержание “борьбы за чистоту языка”, но и основное, лингвистическое и стилистическое. Рассмотрение этого процесса в исторической перспективе позволяет судить о том, насколько действительна такая форма языкового строительства, как газетная публикация и даже кампания в прессе.

В центре моего внимания – конкретные слова и грамматические формы, в различные годы оценивавшиеся авторами “Литературной газеты” как ошибочные, засоряющие русский язык. Степень сегодняшней активности, а также нормативность/ненормативность рассматриваемых словоформ оценивается по материалам новейших лингвистических словарей, а также “Национального корпуса русского языка”, отражающего сегодняшнюю живую письменную речь.

К числу слов, которые “Литературная газета” 30-50-х гг. объявляла неправильно образованными, искусственными, чуждыми русскому языку, относятся, в частности, глаголы *скукожиться* (М. Горький утверждал, что оно “искусственно и нелепо” [1: 1934. – №8. – С. 2]), *оглаживать*, прилагательное *мировоззренческий*, существительное *чащоба*.

Газета подвергала также критике необоснованное переосмысление слов, их употребление в несвойственном им значении (например, *материал* в значении “статья”, *зачитать* в значении “огласить”).

В этом плане наиболее показательна история глагола *довлеть*, которому не раз посвящались специальные заметки. В 1938 г. преподаватель русского языка Н. Прянишников впервые обратил внимание читателей газеты на “вопиюще неграмотное словоупотребление”. Он указал, что глагол *довлеть* означает “быть довольным” и не может использоваться в значении

“давить, угнетать”. Для рассматриваемого исторического периода характерно эмоциональное восклицание Н. Прянишникова: “Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?” [1: 1938. – №12. – С. 6].

Редакция специально подчеркнула, что получила большое число читательских откликов на выступление Н. Прянишникова. Некоторые из них были помещены на странице газеты, причем исключительно те, в которых точка зрения преподавателя опровергалась. Читатели отмечали, что миллионы людей употребляют слово *довлеть* в новом значении, и настаивали на том, что ученые не имеют права указывать народу-языкотворцу [1: 1938. – №22. – С. 6].

Дискуссия о глаголе *довлеть* возобновилась в 1951 г., когда писатель Ф. Гладков в письме в редакцию повторил публиковавшуюся ранее информацию об исконном значении слова. Встречающиеся в прессе такие формулировки, как “страх довлечет над реакционерами Америки”, автор письма назвал абракадаброй [1: 1951. – №121. – С. 3].

Редакционная политика оказалась тактически иной, но стратегически такой же, как в конце 30-х гг. Дав слово стороннику “чистоты языка”, газета вскоре напечатала материал, в котором такая позиция объявлялась неправильной. Через несколько номеров после письма Ф. Гладкова “Литературная газета” опубликовала большую статью академика В.В. Виноградова “О культуре речи и неправильном словоупотреблении”. В ней упоминалось и о глаголе *довлеть*. Ученый решительно не соглашался с Ф. Гладковым и предлагал признать, что слово объективно приобрело новое значение. По мысли В.В. Виноградова, “нельзя закрывать глаза на то, что такое словоупотребление в языке современной советской литературы распространяется все шире и большие знатоки современного русского языка не брезгают им” [1: 1951. – №146. – С. 2-3].

Ситуация с глаголом *довлеть* может быть названа достаточно показательной. Постоянные призывы советской прессы к борьбе за “чистоту языка” вовсе не означали политики последовательного языкового пуризма. Напротив, газетная пропаганда в целом склонялась к поддержке новейших лингвистических явлений.

Современные словари фиксируют в качестве нормативных большую часть слов и значений, вызывавших споры более полувека назад. Так, в “Словаре русского языка” С.И. Ожегова, переизданном в 2005 г. под редакцией Л.И. Скворцова, слова *мировоззренческий*, *чащоба*, *зачитать* (в значении “прочсть вслух”) даны без стилистических помет [9: 346, 858, 223]. Глаголы *скукожиться* и *оглаживать*, а также существительное *материал* в значении “журналистская публикация” в словаре отсутствуют, но данные электронного ресурса “Национальный корпус русского языка” свидетельствуют о фактах их использования в средствах массовой информации. (“И скукожившийся монстр, захлебываясь, глотая сопли и слюни, нервно прикуривая, выдаёт адреса, явки, просит прощения и постоянно бо-

язливо оглядывается на стоящего сзади него широкоплечего сержанта... // "Криминальная хроника", 2003. 07.24; "Когда доктор Дорн оглаживает Полину Андреевну. та смущенно оглядывается на зрителей" // Эксперт, 2004) [2].

Глагол *довлеть* и сегодня остается предметом стилистических дискуссий. В новейшем издании словаря С.И. Ожегова специально подчеркивается: "не рекомендуется говорить *довлеть над кем-чем* в значении господствовать, тяготить" [9: 166].

При этом "Национальный корпус русского языка" содержит многочисленные примеры использования данного глагола именно в новом, все еще не признанном лингвистами значении: "Помимо этого, довлеют общественные стереотипы по отношению к женщинам, попавшим в беду, – мол, сами виноваты // "Ежедневные новости" (Владивосток), 2003;

– В части возражений сильно довлеют экономические соображения, – говорит Кузьминов // "Известия", 2003.03.03; – Каждая реорганизация – это от шести месяцев до года неизвестность, которая довлеет над людьми: что будет со мной. кого назначат начальником? // "Известия", 2002.11.29 [2].

Обнаруживается, таким образом, что лексико-словообразовательные явления, отмечавшиеся в прессе как новые пять-семь десятилетий назад, закрепились в языке. Уровень их активности в речи неодинаков, а некоторые по-прежнему вызывают неодобрение со стороны образованной части носителей языка. Однако нельзя привести ни одного примера победы пуристов над той или иной нежелательной, с их точки зрения, тенденцией языкового развития.

Следующую рассматриваемую группу составляют слова, употребление которых оценивалось как нарушение стилистических норм. Газета регулярно осуждала писателей за увлечение грубыми просторечиями и жаргонизмами, такими как *буза* (в значении "шум, скандал"), *мазила*, *мура*, *ха-халь*, *вольнуть*, *ломаться* (в знач. "капризничать"), *погореть* (в знач. "потерпеть крупную неудачу"), *присобачить*, *срезать* (в знач. "победить в споре, привести сильный аргумент"), *шамать* и тому подобными.

Яростным противником использования жаргонизмов был М. Горький, называвший это явление паразитизмом. В статьях других авторов и читательских письмах случаи употребления жаргонных слов именовались "дикими фактами" и предлагалось "объявить войну не на живот, а на смерть всему мусору, попадающему в литературный русский язык..." [1: 1935. – №34. – С. 3; 1951. – №43. – С. 3].

Неоднозначно оценивала "Литературная газета" так называемые "канцеляризмы". В 1930-х годах публицисты порой вставали на их защиту, ссылаясь на авторитет партийных лидеров, активно пользовавшихся таки-

ми словами, как *мероприятие, неувязка, освоить. по линии, проработать* [1: 1933. – №60. – С. 5].

В дальнейшем применение бюрократических жаргонизмов за пределами официальной речи все более определенно осуждалось. “Литературная газета” отмечала, что в литературном языке не может быть таких слов и конструкций, как *бросать на* (картошку), *в деле, на участке, незавершенка, переотвлечься, по вопросу, утрясти* (вопрос). Автор фельетона А. Одинцов с горечью констатировал: “На участке языка... “прироста” не наблюдается” [1: 1953. – №70. – С. 2].

Специалистами многократно отмечалось, что одно из ведущих направлений эволюции русского языка конца XX – начала XXI в. – это размывание стилевых границ, освобождение автора как устного, так и письменного текста от бывших ранее жесткими стилистических ограничений [6: 232; 10: 12; 3: 92-96]. В соответствии с этим значительная часть стилистически окрашенных слов, на употребление которых публицисты прошлого пытались наложить табу, включена в новейшие словари: *буза, волынить, погореть* с пометой “просторечное”, *ломаться, неувязка, проработать, утрясти* с пометой “разговорное”, *коммуникативный* с пометой “специальное”, *бросить на что-либо* (в значении “направить”), *мероприятие* – без стилистических помет [9: 60, 61, 93, 282, 322, 339, 401, 762].

Остальные слова, критиковавшиеся в “Литературной газете” как стилистически не соответствующие нормам хорошей речи, по данным “Национального корпуса русского языка”, также находят применение в текстах различного характера, в том числе публицистических (Продала хату и свадила к хахалю // “Известия”, 2002.03.24; Ну, положим, второй президентский срок Путину гарантирован даже при нынешней чеченской “незавершенке” // “Московские новости”, 2003) [2].

Вопросы грамматической стилистики затрагивались на страницах “Литературной газеты” 1930-50-х гг. несколько реже, чем лексические нормы, но возникавшая дискуссия имела не меньшую остроту. Так, авторы и читатели не раз обращались к обсуждению вариативных форм множественного числа существительных на согласную типа *профессоры/профессора*. В 1935 г. Г.О. Винокур чисто идеологически толковал данную проблему: “По отношению к этим словам борьба с окончанием “а”, идущим из живого повседневного языка, означает такое культивирование уважения к званиям “профессор”, “директор” и прочим, которое вряд ли совместимо с нашим пониманием авторитета. Здесь слышно какое-то недовольство демократизацией этих почетных званий...” [1: 1935. – №28. – С. 4].

Социально-политическая подоплека этой проблемы была в дальнейшем забыта. В 1951 г. в подборке читательских писем о культуре речи встречается упоминание форм *профессора* и *катера* как малограмотных,

коверкающих и упрощающих великий русский язык [1: 1951. – №43. – С. 3]. Публикации такого рода не помещали формам *директора, катера, профессора* и ряду подобных закрепиться в языке в качестве единственно нормативных [9: 162, 266, 616].

Непоследовательны и малорезультативны были и выступления “Литературной газеты” в защиту орфоэпических норм. В 1939 г. она опубликовала открытое письмо Ф. Гладкова в Радиокomiteет СССР. Среди ошибок, допускаемых дикторами радио, писатель называл неверные ударения в ряде грамматических форм: *на ре́ку, в фо́ртах, в по́ртах*, а также жаргонное *до́быча* и *мо́лодежь*. “Наша задача в том, – подчеркивал Ф. Гладков, – чтобы вести борьбу за очистку русского языка от звукового сора” [1: 1939. – №56. – С. 3].

На выступление писателя ответил редактор “Толкового словаря русского языка” профессор Д.Н. Ушаков. Признав ошибочным произношение *до́быча* и *мо́лодежь*, он тем не менее не согласился с Ф. Гладковым в оценке формы *ре́ку* и указал, что существительное испытывает колебания в склонении.

Позиция лингвиста вызвала у Ф. Гладкова глубокое возмущение. Его ответ “Литературная газета” поместила в том же номере, что и заметку Д.Н. Ушакова, оставляя таким образом последнее слово за писателем-пуристом. В соответствии с общей практикой советских газетных кампаний решающим аргументом в дискуссии стала ссылка на социально-политический подтекст культурной проблемы. Ф. Гладков заявил: “... Я не сторонник анархо-левацкой точки зрения... что “жизнь требует создания новых орфоэпических норм”. Каким же это должны быть нормы? Где реальные их основы? Не в сторону наименьшего сопротивления, а в сторону наибольших преодолений должно идти развитие литературного языка. Сторонник этого – сам народ...” [1: 1939. – №68. – С. 3].

Тем не менее народ не продемонстрировал приверженности старой акцентологической норме, и сегодняшние словари допускают в качестве равноправных варианты ударения *ре́ку* и *реку́* [9: 664; 5: 218].

В начале 1950-х гг. вопрос об ударении и вообще о произношении слов несколько раз затрагивался на страницах “Литературной газеты” в рамках “борьбы с космополитизмом”. С.И. Ожегов, а вслед за ним и читатели осуждали “прозападное” твердое произношение согласных в существительных *пּетензия, патефон, ренегат, пионер, дефект*, а также ударение на первом слоге в словах *коттедж, Ньютон* и *Чемберлен*. Осуждение подобных орфоэпических ошибок было однозначным, иных мнений газета не публиковала.

Данная группа слов – единственная, в отношении которой устремления борцов за “чистоту языка” совпали с объективной тенденцией: все перечисленные заимствования, за исключением фамилии *Ньютон*, закрепи-

лись в словарях именно в том виде, на котором настаивала “Литературная газета” пятьдесят лет назад [5: 47, 92, 163, 218; 8: 824, 1342].

Проведенный анализ газетных публикаций в сопоставлении с новейшим лингвистическим материалом демонстрирует крайне низкую результативность газетных выступлений, направленных на повышение речевой культуры и так называемое “очищение” языка от вредных явлений. Даже в советский период, когда пресса имела большой авторитет и отражала официальную точку зрения, речевая практика и тем более языковая система не подчинялись директивам и не реагировали даже на публикации, имевшие очевидный политический подтекст.

Сказанное не означает, что средства массовой информации оказывают незначительное влияние на развитие языка. Напротив, их роль в языковой эволюции исключительно важна. Однако СМИ воздействуют на язык, давая аудитории многократно повторяющиеся образцы определенного речевого поведения, а также формируя общественное мнение относительно тех или иных понятий, что влечет за собой семантические и стилистические сдвиги. В тех же случаях, когда публицисты ставят перед собой задачу “улучшить”, “защитить”, “спасти” язык, они вновь и вновь уподобляются своим предшественникам, которым так и не удалось победить слова, значения и формы, отобранные языковым сознанием народа.

Библиографический список

1. Литературная газета. – 1929-1959.
2. Национальный корпус русского языка info@ruscorpora.ru.
3. Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке / Н.С. Валгина. – М., 2001.
4. Введенская, Л.А. Деловая риторика: учебное пособие для вузов / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова. – Ростов-на-Дону, 2000.
5. Горбачевич, К.С. Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке / К.С. Горбачевич. – СПб., 2002.
6. Костомаров, В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – М., 1994.
7. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник. – М., 2003.
8. Новый энциклопедический словарь. – М., 2004.
9. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М., 2005.
10. Русский семантический словарь. – М., 1983.
11. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 1996.
12. Соколова, В.В. Культура речи и культура общения / В.В. Соколова. – М., 1995.
13. Эффективная коммуникация: история, теория, практика: словарь-справочник. – М., 2005.